

По ту сторону исследовательских эмоций...

В данной статье речь пойдет о том, какую роль играют эмоции исследователя в «поле» и после выхода из него. Я попытаюсь доказать на примере личного социологического опыта значимость эмоций в процессе исследования. С одной стороны, эмоциональность, открытость, равнодушие, чувствительность, проявление других человеческих эмоций к происходящим событиям в «поле» — это сила исследователя, это один из способов понимания чужого образа жизни, вхождения в жизненный мир информантов, с другой, демонстрация эмоциональных реакций вдвойне усиливает уязвимость положения социолога. Исследователь действуя, реагируя эмоционально в поле, идет на определенные риски. Во-первых, выстраивая доверительные отношения с респондентами в «поле». Во-вторых, в ситуации после «поля», он рискует быть непонятым коллегами «по цеху»: эмоциональная включенность исследователя означает отсутствие объективности полученного этнографического материала¹. И последнее, о чем я хочу рассказать в этой главе — о необходимости говорить публично, каким образом эмоции влияют на самоидентификацию исследователя после возвращения домой, изменяя тем самым всю его жизнь. Опираясь на исследовательский опыт, я попытаюсь доказать, почему описание и анализ эмоционального этнографического труда важны для развития качественной

¹Понятие объективности в российской науке часто ассоциируется с критерием истинности/не истинности или отражения/искажения реальных фактов, что является, по мнению большинства ученых, следствием потери «дистанции» между объектом и субъектом исследования (Ильин В.И., Семенова В.). Объективное описание — это, прежде всего, беспристрастный взгляд со стороны. На региональных научных конференциях до сих пор доминирует точка зрения, согласно которой гарантией объективности информации служит выстроенная дистанция между исследователем и респондентом, позволяющая избежать основных недостатков данного метода: субъективизма, потери исследователем способности объективно оценивать ситуацию (Пузанова Ж.В., [Троцук И. В.](#), [Витковская М.](#) И.2007:209). Тем не менее, в последнее время в науке пришло понимание, что объективность — понятие достаточно спорное и относительно, и, в целом, нельзя отрицать возможность субъективного знания. По мнению Штейнберга И., потеря объективности происходит постепенно и незаметно для исследователя. Одной из причин невозможности объективности называется то, что исследователь не может вовремя отстраниться от сложившихся человеческих отношений в «поле» (Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. 2009: 78).

методологии, в целом.

Эмоции и социологическое знание

В современной социологии существует разные мнения по отношению к исследовательским эмоциям. В основном, все дискуссии сводятся к вопросу скрывать или пытаться понять роль эмоций в исследовательском процессе. According to Hubbard, Backett-Milburn and Kemmer (2001: 132), ‘...the research process is not an emotion-free experience’, and that, «The acknowledgement and management of researcher emotions can take place at very stage in the development of the research and in a variety of different contexts’ (133). For Shane Blackman (2007: 699) описание эмоций и тем более раскрытие более близких отношений с информантами в «поле» constitutes a ‘hidden ethnography’. Blackman understands such ‘hidden ethnography’ to be ‘...empirical data that is not released because it may be considered too controversial...’ (700), while Barter and Renold (2003: 100) argue that it remains hidden rather because, ‘emotion is deemed to be epistemologically irrelevant’. Между тем, наличие дистанции между информантами и исследователем Ильиным В.И. понимается как гарантия того, что полученный материал будет защищен от субъективности и искажения «полевых» результатов (2006:85). По мнению Семеновой В., позиция стороннего наблюдателя необходима, в противном случае исследователь не сможет «концептуализировать практический опыт участников событий» (2003:274). Однако, Девятко И.Ф. считает, что «сохранение дистанции между социологом и теми, кого он наблюдает, заведомо хуже, чем полное участие» (1998:17). По замечанию Fontana и Frey, выстраивание близких отношений между исследователем и информантами может создать проблемы для исследования, поскольку социолог может потерять свою отстраненность и объективность, переидентифицировать себя относительно группы находящейся под наблюдением и «отказаться от научной задачи»(1994:367). Этнограф Баранов Д.А. считает, что, когда акцент в исследовании делается на сопереживании, эмоции, интуиции, повышается

роль личности исследователя, его человеческих характеристик, но эмоциональное включение исследователя рассматривается им как второстепенный метод изучения незнакомого образа жизни и, в целом же, собранные таким образом факты не могут претендовать на абсолютную объективность, т.к. в процессе наблюдения исследователь создает вторичную этнографическую реальность (2004:27). «Объективную и отстраненную позицию исследователя» Штейнберг И. называет мифом (2008:189). По его мнению, держать дистанцию отстраненного наблюдателя в поле сложно и разрушительно для особого пространства взаимоотношений исследователя и респондента, потому что «исследователь не может...не испытывать нормальное человеческое желание чем-то помочь, поддержать собеседника, который искренне делится своими переживаниями, сомнениями, или рассказывает трагическую историю» (Штейнберг И. 2008: 189-190). Однако речь ведь не столько в том, что исследователь испытывает психологическую нагрузку из-за необходимости соблюдать дистанцию в «поле» или желании помочь, сколько о невозможности воплощения этого на практике. Позиция скрытия эмоций исследователя в поле и утверждение о возможности сохранения эмоционального контроля со стороны социолога несовместимы с точкой зрения аутентичного этнографического опыта. Во-первых, потому что «отстранение себя от собственного тела как и отстранения в «поле» вообще требует особых усилий» (Соколовский С. В. 2003:4). В «поле» такое искусственное выстраивание отстранения, в том числе, и от человеческих отношений может нанести вред, как личности исследователя, так и его работе. Ведь «поле» вскоре перестает быть придуманной реальностью, становясь неотъемлемой частью биографии социолога. Второй причиной невозможности соблюдения дистанции между информантами и исследователем заключается в том, что коммуникация в «поле» изначально носит субъективный характер, т.к. нельзя «казаться» заинтересованным, равнодушным, участливым с информантами, можно только «быть таковым» по-настоящему. Сама процедура исследования в социальных науках

предполагает тесное взаимодействие объекта и субъекта, таим образом, согласно, все исследование получается субъективным (Бобрецова А.)

Для западных исследований субъективное знание давно признается ценным в науке². В российской академической среде признание исследования как процесса двухстороннего, где и позиция социолога значима для понимания «поля», встречается редко. Вообще в российской науке долгое время, по мнению Абашина С. (2004: 15), всякая субъективность либо изгонялась, либо дискриминировалась и, несмотря на существование публикаций о личных переживаниях исследователя, все они не соответствуют стандартам «высокой» теории, представленных в монографиях, учебниках и диссертациях. The study of emotions in sociology in recent times, according to Blackman (citing Kemper), 'has often been preoccupied with negative concerns rather than asserting the legitimacy of the topic itself (Kemper cited in Blackman 2007: 700) С другой стороны, есть те, кого привлекает позиция исследователя как носителя «определенных культурных стереотипов, научных концептов и дискурсивных стратегий, которые так или иначе влияют на его видение изучаемой культуры. В результате исследование можно представить как результат диалога, в который каждая из сторон вносит свои «поправки» (Антропологический форум, 2004:3), что, безусловно, помогает увидеть события «поля» с разных позиций, в том числе и с точки зрения исследователя. Для Bourdieu reflexive turn означает преимущество и риск одновременно, т.к. социолог раскрывает свою биографию, месторасположение и собственные убеждения (For Bourdieu, this reflexive turn is about power and risk because the sociologist exposes their origins, biography, locality and «intellectual bias») [Bourdieu cited in Blackman 2007:700). Эмоциональная открытость исследователя позволяет ему довольно быстро войти в компанию, выстроить отношения, включаться в практики компании. Однако, открыто говорят о работе в «поле» не все. Наиболее сложно

2 See Chapter 12 for further discussion of this point.

решиться на это молодым ученым (Coffey,1999), для которых суждения авторитетных ученых о степени качества полученных ими данных может сыграть решающую роль. Однако известные социологи, даже те из них, кто признает, что исследовательский процесс не может протекать без эмоций, не рискуют своей репутацией в научном мире, предпочитая молчать. Следующим основанием нежелания раскрывать эмоции социолога в научном сообществе является сама работа в «поле», окруженная часто завесой секретности («secrecy surrounds fieldwork and the accounts provided in part because many recognized classic studies of participant observation are linked to deviant «outsider» status and thus retain an aura of mystery») (Blackman 2007:700). Многие из того, что происходит в «поле» остается вне полевых дневников, анализа и публикаций. Третьей причиной игнорирования эмоций социолога в научном мире является, по мнению Blackman, этическое требование, согласно которому информант и исследователь должны быть «чисты» (ethical demand, that storyteller and the narrative should be «clean») [2007:700]. mozhet byt' sokratit' zdes' tak kak mnogo uzhe s Blackmana i pervii punkt naprimer v printsipe povtoriaet to chto do etogo napisano.

Опираясь на собственный опыт, с уверенностью можно сказать, что степень чистоты взаимоотношений между информантом и исследователем невозможно полностью контролировать: ведь в жизни никогда не знаешь, когда и при каких условиях возникает симпатия/антипатия к человеку, так и в «поле». Естественно, контроль над личными поступками возможен, исходя из правила «не испортить поле», но рождение эмоциональной близости предугадать трудно, как это сложно и в реальной жизни. В качестве примера того, что в «поле» многое из происходящего есть результат эмоционально окрашенных поступков, приведу личный опыт общения с информантами. И в первый, и во второй раз в Воркуте было несколько ключевых информантов, к которым я испытывала разные чувства и, которые по-разному относились ко мне. Мой интерес был основан на смешении исследовательского

любопытства и человеческих эмоций, начиная от симпатии, любопытства, заигрывания, восхищения, заканчивая обидой, злостью, раздражением. Почвой для возникновения близких взаимоотношений с одним из информантов стало, с одной стороны, его любопытство к моей персоне, к нашей работе - в какой-то момент ему стала интересна моя личная жизнь, как мне его, с другой, мое откровенное поражение от того, как он размышляет, говорит и чувствует. Этот взаимный интерес был вызван скорее неожиданно возникшей симпатией, а не исследовательскими задачами: я ехала в «поле» изучать компанию скинхедов, обладая стереотипными представлениями об их повседневности, не предполагая, что, во-первых, буду испытывать эмоции симпатии по отношению к ребятам, во-вторых, что я сама стану объектом изучения с их стороны. Степень близости между нами определялась не только проявлением заботы в «поле», обеспечением определенной безопасности, оказании помощи в поиске новых информантов, но и в комментариях того, какой я человек и, какой я социолог:

Отрывок из интервью:

Р.: Ты если честно, ты стала просто другом. Ты стала другом, ну подругой. Ты реально стала подругой. Ты знаешь такая. Ты прикольная, с тобой прикольно пообщаться, с тобой прикольно поприкалываться..

И.: (перебивая) поиздеваться..

Р.: Поиздеваться? Даже поиздеваться. С тобой прикольно много чего. Ты, ты, не много не адекватно себя ведёшь во многих ситуациях, серьёзно. Вот я сейчас на тебя смотрю, сними лучшие очки, мне так будет приятней на тебя смотреть. Серьёзно. Вот. И ты реально, да, ведёшь себя не много адекватно. Это не твоё. Реально я вот понимаю социологов. В том году знаешь я так на тебя смотрел ты как-то, ты глупа для социолога.

И.: (смеётся)

Р.: Серьёзно. Ты реально глупа для социолога...

И.: Может слово глупа заменить на то, что неопытна?

Р.: Нет. Ты глупа. Неопытна. Да. Вот я про это и говорю. Ну как ты неопытна? Ты глупа. Знаешь, в чём ты глупа?

И.: В жизни?

Р.:Вы реально глупые социологи....Почему ты глупа? А дальше ты постоянно, даже я помню по тому году. А здесь можно фотографировать? Кого е...т?

Безусловно, в такой ситуации эмоциональное напряжение в «поле» возрастает: возникает внутренний вопрос о собственной компетентности под влиянием информантов. Переставая относиться к респонденту как лишь к источнику информации, воспринимая его как близкого человека, обнажаешь свою душу, становишься сама собой, эмоционально уязвимой, и, наконец, влюбляешься, восхищаешься, сочувствуешь, сопереживаешь тем, кто впустил тебя в свою жизнь. Рефлексия социолога — единственное, что позволяет сохранить целостность личности исследователя. Многообразие чувств, которые переживает социолог, с одной стороны, незапланированное испытание, с другой, своеобразный механизм встраивания в изучаемую реальность, источник понимания жизни информантов изнутри. «При таком подходе исследователь — его/ее профессиональные навыки, способности, знания, а также тело с его чувствами и эмоциями, физическими и психическими параметрами и способностями превращается в некий инструмент, с помощью которого проводится исследование» (Омельченко Е. Л. 2008:250). С другой стороны, наиболее ценной стороной эмоционального включения для получения настоящих результатов является не только открытость, искренность исследователя, но и то, что ты как человек становишься самым «доступным и открытым информантом, к которому

можно залезть в самую глубину души» (Ильин В. И. 2006:95). Это предполагает анализ собственных эмоций. Тем не менее, согласно Hubbard, Backett-Milburn and Kemmer, (2001: 122) the emotional labour of research до сих пор недооценен и, что еще хуже, вообще игнорируется в социологической науке. Вместе с тем, рефлексия социолога, равно как и отрицание объективности отношений между исследователем и информатором открывает новые возможности для понимания социальной реальности. Исходя из этого, можно сказать, что внутри социологического сообщества существует две позиции: первая, когда исследовательские переживания в поле признаются значимыми в понимании изучаемого мира и подчеркивается необходимость публичного признания этого факта, и другая точка зрения, согласно которой эмоции играют противоречивую роль в процессе исследования, оказывая влияние на результаты исследования. В целом, социологи склонны не публиковать материалы о эмоциях, скорее всего, из-за доминирующего в науке мнения, согласно которой длительное пребывание в одной среде с информантами, отсутствие привычного для социолога круга общения приводит к исчезновению исследовательской дистанции. Ведь на самом деле исследователь может сохранять стороннюю, «объективированную» точку зрения, только до тех пор, пока он не вовлечен в ситуацию поля (Щепаньская Т. 2004:131). Попытка сохранить так называемый объективный взгляд в «поле», представляя для информантов интерес, прежде всего, как человек с другим бекграундом, лишь мешает исследователю. Для понимания происходящих событий в «поле» и сохранения себя как личности важно не столько выстраивание дистанции по отношению к объектам исследования, сколько постоянная эмоциональная работа, направленная на анализ своих поступков, чувств и взаимоотношений с информантами. Другими словами, «сильная объективность требует сильной рефлексии» (Щепаньская Т. 2004:132) только путем критического анализа своих действий, в том числе и исследовательских эмоций, возможно, приблизиться к пониманию жизненных траекторий и событий в «поле».

Рефлексия и исследовательский дебют.

Наличие страха перед первым полевым исследованием и дискомфорт, связанный с изучением ксенофобии в молодежной компании, для меня были естественными эмоциональными переживаниями перед тем, как начать вхождение в первое мое «поле». Тем не менее, когда я соглашалась на этот эксперимент, я меньше всего думала о том, что значит изучать повседневные практики тех, кто называет себя скинами. Когда я собиралась в Воркуту единственным правилом для меня было только одно – не навредить. В глубине души я мечтала об исследовательском успехе, хотела достигнуть все поставленные передо мной цели, стараясь «поймать исследовательскую удачу в «поле» ([Чикадзе Е.2005:80](#)). Я не знала, что эта готовность реализовать задачи означает жить непросто двумя мирами — своим и чужим, это значит также идти на определенные исследовательские риски, в том числе и эмоциональные. Нужно сказать, что воркутинский кейс – это мой «исследовательский дебют» и это понятие как нельзя лучше характеризует то, что я пережила, будучи в «поле» впервые. Думаю многие социологи, кто проводил аналогичного рода исследования, в особенности те, которые касаются скрытых практик, каждый раз сталкивались с проблемами, связанные с необходимостью эмоциональной работы. Включаясь в жизненное пространство информантов, ты сама того, не осознавая, вплетаешь в чужую реальность свою жизнь, и не задумываешься о последствиях. С одной стороны, это колоссальное приключение, благодаря которому я приобрела ценный жизненный опыт, а с другой стороны можно с уверенностью назвать воркутинское «поле» эмоционально травматичным опытом, что, безусловно, изменило мое жизненное восприятие, в целом. До «поля» я пыталась выстроить в голове некую стратегию своего поведения в кругу тех, кем я должна была стать, если не близкой подругой, то, по крайней мере, хорошей знакомой. А больше всего я опасалась, что никого не найду, ни с кем не смогу найти общего языка и в итоге все провалю и не оправдаю

доверия коллег. Мне казалось, залог успеха только в том, чтобы набрать нужный эмпирический материал. Одного я не представляла, что «игры» во время включенного наблюдения не может быть, ты живешь полноценной, обычной жизнью, наполненной повторяющимися событиями, только это жизнь не твоя, а «чужая» и «у исследователя нет иммунитета перед эмоциональными встрясками в «поле» ([Hubbard, Backett-Milburn, Kemmer. 2001:119](#)). Эту проблему можно отнести к рискам, избежать которые практически невозможно в ходе включенного наблюдения, но размышлять о которых необходимо. Стремление «увидеть мир глазами респондента, в его терминах, через призму осознанных интересов, страстей, предрассудков, иллюзий, надежд» (Ильин В. И. 2006:4), требует от социолога определенных умений. Между тем, как считает Дороти Смит, «единственный способом познания социально сконструированного мира является познание его изнутри» (2002:7) и с помощью количественной методологии, сделать этого нельзя. Этнографическое исследование, как показывает наш опыт, требует от социолога умения принимать решения в критических ситуациях, прислушиваться к своей интуиции, стараться быть открытым, готовым к критике, иронии и быть искренне заинтересованным в своем стремлении понять жизнь других людей. Без эмоционального включения всего этого не достичь. Об этом же пишут Stanley и Wise [1983], утверждающие, что практика исследования напрямую связана с саморефлексией социолога, без которой в принципе невозможно включенное наблюдение. По мнению ученых Hubbard, Backett-Milburn и Kemmer, исследователи должны рефлексировать по ходу всего процесса исследования и задавать себе вопросы (2001:133), что, несомненно, является важной частью эмоционального труда. Эмоциональная работа связана не только с выстраиванием коммуникации с информантами, но и с написанием дневника, где происходит глубокая рефлексия исследователя (*добавить цитату про написание дневника*). Вообще написание дневника, где твои переживания, твой страх перед «полем» сменяется раздражением, личными волнениями за

близких, которые находятся далеко, ставит исследователя перед нравственной дилеммой. Степень откровенности при написании дневника — это личный выбор исследователя. Однако осознание того, что я пишу фактически личный дневник только для исследовательских целей, пришло не сразу, поэтому и выбор — описывать все или нет, возник позже. Во время моего первого этнографического исследования, когда я впервые приехала в Воркуту, я писала свой дневник — предельно откровенно, описывая, анализируя все, что мы относим к сфере приватности. Я не задумывалась о том, что исследовательский дневник — это публичный труд, и рано или поздно его будут читать другие. Некоторые исследователи находили выход из сложившейся ситуации выбора тем, что вели два дневника — один для публичного ознакомления, другой — для себя. Другими словами, исследователь сам решает, что представляет научную ценность, а о чем не нужно говорить публично, и в этой ситуации выбора все зависит от личности самого социолога - ‘to reveal what is usually hidden is to cross emotional borders in fieldwork’ (Blackman 2007: 701) или все же не рисковать репутацией?

Совсем другое положение складывается в случае работы исследовательского коллектива, когда в «поле» два или более человека, что было в нашем случае. С одной стороны, это поддержка, с другой, присутствие коллег в «поле» может породить и негативные эмоции, особенно, когда возникает непонимание в процессе самого исследования. Осознание того, что есть свидетель того, каким образом ты работаешь в «поле», предполагающий некую оценку твоих действий и принятых решений, вызывает определенное напряжение, преодоление которого возможно через эмоциональную работу и совместную рефлексия. В ходе включенного наблюдения традиционной практикой для нас с Элей стало обсуждение происходящих событий и внутренних переживаний — совместная рефлексия. Многочасовой процесс «выговаривания» стал частью «полевой» работы с эмоциями. Между тем, как пишут Hubbard, Backett-Milburn и Kemmer, «такой

взаимообмен может послужить важным взносом в профессиональный рост каждого исследователя»(2001:133). Осознание, что «исследователю необходимо искать способы работы с эмоциями»(Hubbard, Backett-Milburn и Kemmer 2001:134), используя такие техники, в которых бы отражалось значение эмоций в полевой работе, у меня пришло после возвращения домой. Одним из открытий дебютного этнографического исследования для меня стало то, что «исследователь не может быть полностью независим...» (Ильин В. И.2004:85) «Неучастие», «стороннее наблюдение», «сохранение отношения к людям как, прежде всего, к информантам» - это практически невозможно реализовать, если ты придерживаешься искреннего желания понять жизнь информантов. Более того, я глубоко согласна с Дороти Смит, которая считала, что отношение социолога к предмету [своего исследования] представляют собой непростые социальные отношения..., поэтому “чувства привязанности, трения, ссоры, заботы и опыт исследователя как первооткрывателя” в “поле” также значимы, как и жизнь информантов (2002:8). Все как в жизни – доверие граничит с недоверием, обман с правдивостью, лицемерие с искренностью. И как результат - переживания, страдания, боль. Я приехала в Воркуту изучать ксенофобские настроения молодежи по отношению к кому-то мифическому человеку с «неправильной этничностью», но не думала, что стану тем, кого причисляют к «условно черным»³. Что значит быть на месте тех, на кого направлена неприязнь, почувствовать это оказалось для меня столь же неожиданно, болезненно, сколько и поучительно. Этот случай стал переломным в ходе моего первого этнографического исследования и продемонстрировал, как отмечает Brannen, что необходима защита, как для респондента, так и для интервьюера [1988]. Длительное пребывание в одной среде с информантами, отсутствие привычного для социолога круга общения лишает его опоры, поэтому для понимания происходящих событий в “поле” и сохранения себя как личности

3 Один из лидеров в компании, рассуждая о национальности, обратившись ко мне сказал, что «его мировоззрение не позволяет общаться с такой как я», так как я не принадлежу к русской национальности и назвал меня «условно черная».

важно не столько выстраивание так называемой «объективности», сколько постоянная эмоциональная работа, направленная на анализ переживаний и взаимоотношений с информантами. Полевой опыт научил меня быть более чувствительной по отношению к другим, умению не только слушать, но и слышать людей. Важными итогами «исследовательского дебюта» стали и мои внутренние переживания, вызванные чувствами симпатии, растерянности, боли. То, что ты сама становишься частью «поля», и на тебя влияет окружающая повседневность, а ты влияешь на тех, кого изучаешь — это понимание приходит в процессе рефлексии. На мой взгляд, стремление исследователя не просто изучить, описать, словно сторонний наблюдатель происходящее, но и эмоционально включиться, позволяет сделать результаты этнографического исследования приближенными к реальности. Кроме этого, свои собственные размышления по поводу снятия границ между информантами и мной как социологом, позволили обнажить новые грани включенного наблюдения, подвергнув сомнению, тезис о том, что исследователь всегда только лишь наблюдатель, который фиксирует происходящие события как бы со стороны, не влияя ни на что. Мы включаем себя, свои эмоции, все свои личностные ресурсы в происходящие события “поля” и однажды теряем ощущение границы между своим Я и тем, кем ты являешься здесь и сейчас во время пребывания в не своей социокультурной среде. И, наверное, поэтому я в ситуации «поля» как в своей повседневной жизни эмоционально реагировала на все, что делала меня несчастной, грустной или, наоборот, счастливой и радостной.

Возвращение в «поле»

Мои эмоциональные переживания, внутренние трансформации в «поле» не прекращались и после возвращения домой. Еще, будучи в Воркуте мои близкие не понимали меня, моей полевой ситуации, поэтому дома я не имела возможности выговориться и рассказать о своих переживаниях, что

вылилось в итоге в длительную депрессию. Пустота, возникшая после «поля», усилилась и непониманием со стороны любимого человека, и тоской по Воркуте. Я искренне скучала по воркутинским ребятам, мне не хватало ощущения погружения в ту «чужую» и одновременно такую родную жизнь. Поэтому возвращение в «поле» во второй раз было возвращением к уже отчасти близким мне людям, к тем, кому я доверяла и, кого знала. Кто-то из ребят считал меня «глупым социологом», но одновременно «близким человеком», для других — я стала «временным другом», заняв определенное место в компании. Возможно, мое желание сохранить «живой диалог» с информантами, с восприятия их не только в качестве некоего ресурса, позволило мне «пересечь границы», другими словами, проникнуться тем, чем они живут. Когда они гуляли, встречались, проводили свое свободное время, когда были дома, готовили еду, играли в ассоциации, ходили в подвал, пили пиво, собирались на квартирах, делали пирсинг, продавали наркотики или употребляли его, танцевали, ездили на машине, - во все эти моменты я была с ними рядом, пытаюсь жить, чувствовать, воспринимать так, как это делали они. Сочувствовать, сопереживать, не быть равнодушным — это не только проявлять человеческое участие, но это еще брать на себя ответственность за свои эмоции. Когда ты перестаешь быть посторонним человеком, то в какой-то период исследователь и информант превращаются в самых близких и родных людей в окружающем пространстве. Желание скрыть или быть откровенной до конца, пожалуй, этот выбор был главным для меня во время второго этапа проекта. То, что эмоциональные проверки исследователя в «поле» являются очевидными трудностями, я уже тогда представляла. Однако я не была готова и ко многим собственным действиям/эмоциям. Возможно, мой второй исследовательский опыт — это как раз тот случай, выражаясь словами предыдущего исследователя в Воркуте, когда «социолог погружается в среду и не может вовремя отстраниться от человеческих отношений...» ([Доброштан О. 2004:117](#)). «Поле» было богато событиями, направленными на проверку меня не только как человека, но и как женщины.

В итоге я не раз была на месте информанта, и кто кого изучал больше — я — их или они — меня, этот вопрос остается открытым. Я всегда чувствовала, что я — не есть бесполое существо, и тем более я прекрасно осознавала симпатии в свой адрес. Тем не менее, я и предположить не могла, что могу пережить настоящую влюбленность в «поле». Власман пишет, что «интимность, близость, любовь, романтика и флирт являются попыткой исследователя, позволяющей достичь реального, живого диалога с информантами»(2007:707). Каким образом симпатия перешла во влюбленность, сложно определить, но можно выделить несколько внешних причин. Во-первых, высокая плотность нашего общения в отличие от прежнего моего приезда. Слава был одним из ключевых членов компании, но именно на втором этапе он стал играть главную роль посредника в «поле». Причиной этому было и то, что Андрей, выполнявший до этого роль лидера в группе, после конфликта перестал близко общаться со Славой и, в целом, ограничил контакты с прежней компанией. Со Славой мы общались все время, кроме того периода, когда он был на работе или с мамой дома. Мы вместе ходили гулять, посещали квартиры его приятелей, сидели в подвале. Вскоре, многие стали воспринимать меня его подружкой и это неудивительно, так как я всегда была рядом с ним. Тем не менее, то, что возникло между нами, было также неожиданно, как и стремительно. Второй причиной возникновения глубокой симпатии можно назвать нашу «разность» во всем — в образе жизни, в мыслях, в жизненных историях, другими словами, нам обоим была интересна жизнь друг друга, и, наверное, эмоции, в этом смысле, стали естественным путем познания. И, третья причина кроется в самой ситуации «поля». «Полевой» образ жизни создает раздвоение сознания у исследователя: с одной стороны, ты понимаешь, что этот мир вокруг сконструирован как посторонний, и в нем для социолога важно сохранять некую бдительность, с другой, твое желание сбросить ответственность за «поле», перенести всю тяжесть контроля за ходом событий на кого-то, кто сильнее, решительнее, у кого все в жизни

олицетворяет риск. Однако рефлексия по поводу близкого эмоционального взаимоотношения позволили интимное познание сделать еще одним источником понимания чужого образа жизни. Согласно Lutz этнографическая работа и последующие за ней теоретические объяснения, в принципе, состояются из различных источников информации, включая тело, эмоции и разум и эта новая комбинация требует более чувственного подхода к анализу работы в «поле», а не того нейтрального, беспристрастного (1986:290), о котором пишут сторонники консервативного подхода. С одной стороны такое откровение делает исследователя уязвимым, с другой, не говорить об этом также не представляется полезным как для работы, так и для самого социолога. По мнению Hubbard, Backett-Milburn и Kemmer (2001: 121), 'The emotions of the respondent and also those of the researcher are likely to influence and inform our understandings of the topic under investigation.'

_____ До сих пор невероятно трудно и болезненно вспоминается жизненный опыт, приобретенный в Воркуте. Как сложно артикулировать все то, что связано с чувствами, симпатиями/антипатиями, влечением, любовными ухаживаниями, разочарованиями в нашей повседневной жизни, так еще труднее об этом говорить с позиции исследователя публично. Влюбленность в «поле» - это тоже своего рода эмоциональное испытание - все с напряжением, страданием и скоростью. Возможно, то, что Слава был искренним, не старался казаться, а просто жил, разрешая мне жить рядом какой-то другой судьбой. Невозможно, не влюбляться в того, кто открыт, кто всегда рядом, кто одним своим присутствием олицетворяет силу, риск, но одновременно так необычно, трогательно проявляет свои чувства. Слава стал олицетворением всего того, что так незнакомо мне в моей жизни, что пугает, но так увлекает.

Из исследовательского дневника:

... Дальше события разворачивались как в кино. Слава, пробегая мимо с Яной, не заметил меня. Я остановила его сама. Он сказал, что устал меня уже искать и стал звать меня потанцевать. Схватил меня за руку и мы стали

танцевать. Что мир в этот момент исчез – так сказать, это значит ничего не сказать. Музыка оглушающая, яркий свет и глаза Славы, я приблизила его к себе сама, он обнял меня и просто поднял высоко, потом обхватил себя моими ногами и крепко прижал. Он трогал мои волосы, ласково прикасался губами к моим губам. Это было невероятно эротично и трогательно. Невероятно эмоционально. Поцелуи лишь прикосновением, объятия сильными руками, и кружение, кружение с закрытыми глазами. На минуту стало ничего не слышно, я просто не знала, что этот человек может быть одновременно сильным и нежным, меня это поразило. Сила в сочетании с супер нежностью – я просто перестала себя контролировать. Через некоторое время я открыла глаза и увидела улыбающегося Славу...

Взаимную симпатию наблюдали и мои коллеги, участие некоторые из которых, сыграло решающую роль в последующих событиях. Возможно, если бы я была одна в «поле», эти события стали бы частью «скрытой этнографии», что вновь нас возвращают к вопросу о работе в команде. Страх, что тебя осудят твои же коллеги «по цеху» за проявление чувств, безусловно, существует. И я после описанного выше случая, думала только о том, что они скажут. В моем случае — мои коллеги были не только тактичны, но и морально поддержали меня, избавив, тем самым, от чувства вины.

Возникновение эмоций, тем более влюбленности, невозможно предугадать, но необходимо иметь четкое представление об ответственности за собственные желания в «поле», особенно когда дело касается глубоких отношений, и понимать, что процесс исследования рано или поздно станет естественной частью твоей жизни, где возможно все.

По ту сторону «поля»

Пережив такие сильные чувства, безусловно, рефлексия продолжается и после «поля». ‘The revelation of “hidden ethnography”, according to Blackman (2007: 712), ‘raises issues about research ethics’ . Тогда же приходит осознание

того, что этнография – это испытание для исследователя, и, прежде всего, эмоциональное. Это всегда эмоциональный стресс, но еще – это и колоссальный жизненный опыт, уникальная возможность жить жизнью других людей. По этой причине этнографическое наблюдение без эмоционального включения социолога невозможно. Эмоциональное небезразличие ко всему, что пережито в “поле” еще раз демонстрирует важность изучения не только “поля”, но и мира социолога в этом “поле”. Denzin, Lincoln [1998] и Blacman[2007] говорят о том, что на самого исследователя работа имеет эмоциональное влияние (reflexive turn). Об этом говорит тот факт, что «выйти из поля» не так просто. Возвращение домой — не означает, что исследователь перестал эмоционально воспринимать события «поля».

Во-первых, анализ полученных материалов предполагает мысленный возврат, что вновь влечет за собой эмоциональное включение в пережитые социологом события. Здесь происходит вторичная рефлексия и зачастую не всегда она безболезненна.

Во-вторых, «поле» накладывает отпечаток на внутреннее восприятие себя и окружающего мира: многое, что ты делала в поле, несвойственно тебе в твоей обычной жизни, и в этой ситуации личностные изменения неизбежны. И, наконец, третий фактор, влияющий на продолжение эмоционального напряжения является поиск ответа на вопрос: каким образом, не нарушая этики и своих обещаний, продемонстрировать публично полученный материал? Этот вопрос возник для меня лишь, когда я вернулась из Воркуты. Именно в этот момент ясно осознаешь всю глубину правила - «не навредить». Та же дилемма, к примеру, между желанием представить результаты своей работы в разных форматах (тексты интервью, фотографии, видео) и обещанием информантам «не демонстрировать их фотографии» становится явной, когда стал решаться вопрос о визуальном материале – «убирать лица информантов или нет?» - это тоже эмоциональное восприятие со стороны того

исследователя, кто непосредственно что-то гарантировал. В ситуации «после поля» меня не покидало ощущение, что я нарушила этические правила, я обманула, не сдержала данное слово, а значит, использовала ребят как информационный ресурс, выражаясь словами одного респондента, «использовала как презерватив». И все мои рассуждения о том, что «они стали больше, чем информанты» и к ним я стала испытывать дружеские чувства, подвергаются сомнению, прежде всего, мною самой, когда уже ты вне Воркуты. С другой стороны, информанты, с которыми мы общались, благодаря многолетнему знакомству с социологией, прекрасно знали, в чем заключается наша работа и согласившись на коммуникацию с нами — они делили эту ответственность вместе с нами. Это противоречие, на мой взгляд, важно осознавать. Рано или поздно, после возвращения исследователь начинает размышлять над вопросом — что важнее человеческие отношения с информантами или профессиональные бонусы? Поэтому не менее значимо говорить об эмоциях исследователя, об его отношениях с информантами не только в «поле», но после выхода из него. Быть откровенным, рассказывая о пережитом эмоциональном опыте после возвращения из этнографической экспедиции, означает не меньший риск, чем в «поле», когда ты посещаешь подвал, ходишь в заброшенные части города, наблюдаешь употребление наркотиков, становишься, наконец, сама объектом комментариев и высказываний, демонстрируешь бесстрашие, когда внутри боишься и хочешь домой. После выхода из «поля» открыто говорить о своих эмоциях, в том числе и о симпатиях/антипатиях, доверии/недоверии означает личностный риск для любого профессионала — критика «коллег по цеху» неизбежна. Авто и этно создают поле напряжения, которое манит обещанием открытий, но одновременно и угрожают персоне, согласно Соколовскому С. В.(2006). Однако, несмотря на то, что «из-за собственного разоблачения исследователь становится уязвим с точки зрения этики...», с другой стороны, ‘unless the hidden ethnography is made more transparent a more realistic account of fieldwork will not be forthcoming’ (Blackman 2007:701) и исчезнет «живая фактура», из

которой мы черпаем понимание социальной реальности. Двойственность положения социолога порождает эмоциональные переживания, о которых нужно говорить друг с другом в «поле», и писать после возвращения.

Выводы

В заключении, нужно сказать, что не только присутствие социолога в жизни информантов, так или иначе влияет на них, но и жизнь исследователя меняется под воздействием информантов. Другими словами, говорить о том, что «ученый может войти в контекст исследования и покинуть его, сохранив в целостности и сохранности все ценности, которые у него были до начала работы» практически невозможно (Пилкингтон Х., 2008:97-98). Я с уверенностью могу сказать, что воркутинский кейс позволил мне увидеть себя другой, понять многое не только вокруг себя, но и внутри себя. Моя жизнь кардинально изменилась — это касается не только моего внутреннего восприятия, переживаний вплоть до представлений о любви, доверии, близости, исследовательский опыт стал началом решительных, не свойственных мне, до этого поступков. Одним словом, «поле» становится причиной внутренних личностных изменений исследователя во взглядах, представлениях, способах мышления под влиянием общения с респондентами, поэтому так важно не игнорировать эмоциональные переживания социолога. В «поле» нет строгих правил — никогда не знаешь, как и что произойдет с тобой дальше, кроме одного — без открытых отношений приблизиться к пониманию жизни других людей не представляется возможным, а это значит постоянная рефлексия по поводу собственного присутствия в «поле», главной целью которой есть стремление, прежде всего, не навредить. Важно признать, что эмоциональный встряски и стрессовые ситуации переживает не только информант, но и сам исследователь. По этой причине знание о том, что эмоции социолога неизбежны в ходе включенного наблюдения и, что они влияют на взаимоотношения с информантами и на последующую презентацию

«полевого» материала, сможет «улучшить понимание окружающего нас мира» (Hubbard, Backett — Milburn, Kemmer 2001:134) . Такие способы работы с эмоциями в поле как обсуждение личностных переживаний с другими социологами, выстраивание доверительных отношений с информантами, ведение дневников, глубокая рефлексия, позволяет донести эмоционально прочувственное знание до академических кругов и тем самым расширить возможности качественной методологии. По словам Hubbard, Backett-Milburn и Kemmer (2001: 135) ‘the fieldworker needs to be able to convey the emotion expressed in the interview setting to members of his or her research team’ which means also that ‘researchers need to become more practised in recognising and interpreting emotion’. Несмотря на то, что роль эмоций в исследованиях сегодня признается, социологи не спешат делиться своим опытом, предпочитая не рисковать репутацией. Это касается, прежде всего, опытных известных социологов, которые боятся «потерять свое лицо», обнажив свою субъективность, эмоции в «поле». Для молодых социологов, с одной стороны, это также риск — рассказывать открыто о своих эмоциях в начале своей карьеры, что может привести к непониманию в академической сфере. С другой стороны, эмоциональный путь в этнографии - это доступно именно начинающим ученым, ведь исследовательский дебют всегда эмоциональный и запоминающийся, поэтому раскрытие темы об исследовательских эмоциях в ходе включенного наблюдения предстоит, скорее всего, молодым и менее опытным исследователям.

Библиография:

1. Абашин С. Н. Материалы дискуссии «Исследователь и объект

- исследования // Антропологический форум, №2, 2004, С.13-19.
2. Barter, C. and Renold, E. (2003) 'Dilemmas of Control', in R.Lee and E. Stanko (eds) *Researching Violence: Essays on Methodology and Measurement*, London: Routledge, pp. 88-106.
 3. Баранов Д. А. Об этнографической реальности и пределах ее описания / Материалы дискуссии «Исследователь и объект исследования» / Антропологический форум. №2. 2004. С. 24-32.
 4. Blackman, S. (2007) "Hidden Ethnography": Crossing Emotional Borders in Qualitative Accounts of Young People's Lives', *Sociology*, 41(4): 699-716.
 5. Brannen, J. (1988) Research note. The study of sensitive topics. *Sociological Review*, 36, P. 552–563.
 6. Чикадзе Е. Еще немного об отпавлении естественных потребностей // Беспредельная социология. Сборник эссе. - СПб: ЦНСИ, 2005. - 78-82 с.
 7. Доброштан О. Стать скинхедом и остаться социологом: опыт погружения в другую культурную среду / Полевая кухня: как провести исследование / Под ред. Н. Гончаровой. Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004. - 180с.
 8. Fontana, A. and Frey, J. (1994) Interviewing: the art of science. In N. Denzin and Y. Lincoln (eds) *Handbook of Qualitative Research* (London: Sage), pp. 367.
 9. Hubbard G., Backett- — Milburn K., Kemmer D. (2001) 'Working with emotion: issues for the researcher in fieldwork and teamwork / *International Journal of Social Research Methodology*, 2001, Vol. 4(2): . P. 119-137
 10. Ильин В. И. *Драматургия качественного полевого исследования*. - СПб.: Интерсоцис, 2006. - 255с.
 11. Lutz,C.(1986) `Emotion, Thought and Estrangement: Emotion as a Cultural Category`, *Cultural Anthropology* 3(1), P. 287-309
 12. Омельченко Е. Л. Исследователь-наблюдатель в ксенофобском поле: этика беспристрастия или профессиональное лицемерие? / В поисках новых методологических подходов и методов исследования, Самара: «Универс

- групп», 2008. - С. 248-259.
13. Пилкингтон Х. Позиция антрополога при исследовании проблем ксенофобии // Антропологический форум, №8, 2008. - С. 97 - 106.
 14. Пузанова Ж. В., Троцук И. В., Витковская М. И. Методология и методика социологических исследований. - М.: Высшее образование и Наука, 2007. 272 с.
 15. Smith, D. (1987) Women`s Perspective as a Radical Critique of Sociology // Feminism and Methodology/ Women`s Perspective. New York, 1987/Дороти Е. Смит. Женская перспектива как радикальная критика социологии/Перевод А. Бородиной, Тверской Центр Женской Истории и Гендерных исследований, 2002. - С. 7.
 16. Соколовский С. В. Поле, которое не покидаешь... [Электронный ресурс] // Этно-журнал. - Режим доступа: <http://www.ethnonet.ru/ru/pub/0503-04.html>. - С.4. (12.04.09)
 17. Щепаньская Т. Заметки об автоэтнографии / Материалы дискуссии «Исследователь и объект исследования»/ Антропологический форум. №2. 2004. С. 121-134.
 18. Щепаньская Т. Б. Экспедиционные традиции: к топографии «поля» в неформальном дискурсе полевых исследователей (этнографов, археологов, антропологов) // Проблемы исторического регионоведения. - Сб. науч. статей / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев. - СПб: изд-во СПбГУ, 2005. - С. 76.
 19. Bourdieu, P. and L. Wacquant, 1992 An Invitation to Reflexive Sociology, cambridge: Polity Press в статье Blackman Shane J. (2007) “Hidden Ethnography”: Crossing Emotional Borders in Qualitative Accounts of Young People`s Lives. Sociology. Vol.41. №4, Aug. P. 699.
 20. Штейнберг И. Профилактика «профессионального выгорания» в полевой работе социолога // Социология: 4М, 2008. С.188-203.
 21. Семенова В. Качественные методы в социологии /В кн. В.Я. Ядова Стратегии социологического исследования.- М.: Академкнига, Добросвет,

2003. - 600 с.

22. Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. - Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 1998. - 208с.

23. Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования /Под ред. И. Штейнберга. – СПб.: Алетейя, 2009. – 352 с.

24. Бобрецова А. Особый этический кодекс исследователя-носителя: «эмоциональный контакт» и «бесстрастное наблюдение» // Полевые финно-угорские исследования. – Режим доступа: <http://www.komi.com/pole/publ/ethic/1.asp> (23.06.09)